

О КАРАГАНДЕ

СТАРЫЙ город—черная Караганда! Это первое впечатление. Уголь на путях, уголь на шоссе, терриконки. Черная, пыльная, беспорядочная. Хаос плоских одноэтажных барачков, расположенных по косогорам. Не улавливаешь никакого плана в расположении домов. Видна только ось—шоссе, извивающееся между косогорами, западинами, буераками и бараками. Шоссе всползает в гору. В стороне копошится базар — пестрый, разноплеменный, нищенский.

Очередь на автобус. Много русских. Это удивляет. Казалось, здесь должны быть одни казахи. Но их как раз немного.

Автобус — разбитый рыдван — ныряет в ухабах, сотрясая внутренности.

* * *

В городе, где родился и вырос, людей воспринимаешь в ансамбле, в коллективе, узнаешь их подноготную, их ошибки.

В Караганде люди словно обнажены, видишь отдельно человека в изломе, в разрезе, одинокого, как вырванный зуб. Профессор, врач, инженер — сам по себе без прошлого, вместе с тем «со статьей».

Здесь все без корней, наносное, случайно попавшее сюда со всего света. И все только сжигается, сплавляется—в котле, в гигант-

ском тигле — городе-новостройке, выросшем на пельнокожей земле.

Сначала осевшие возле шахт нищие казахи, беглые из Сибири. С начала века — волной — переселенцы с Украины. Они заложили Дубовку, Узенку, Тихоновку, Зеленую Балку, Михайловну. Они кормили Караганду.

В тридцатых годах — волна донбассовцев, среди них много угольщиков-инженеров. Они создали Новый город и бассейн. Руками прирванных в 1930—1933 гг. «спецпереселенцев» — «кулаков», «подкулачников», противников колхозов.

Ссылные создали сначала поселки, а затем и всю Караганду — заводы, шахты, жилье, больницы, школы.

Гитлеровское нашествие пригнало сюда десятки тысяч беженцев и новых «спецпереселенцев»: немцев, чеченцев.

В 50-х годах густо пошли сюда законтрактованные, комсомольцы, целинники, амнистированные или отсидевшие свои сроки в лагерях.

Народ пестрый, интересный, о резких поворотах в биографии. Вот один. Высокий блондин, обладатель лирического тенора украин-

ского тембра. Родился и вырос в Маньчжурии, учился на попа в академии и одновременно в японской школе диверсантов и шпионов, служил в ночной охране американского банка в Харбине. После занятия Маньчжурии нашими попал в Воркуту, от туда — сюда. Свободен, получил работу, выписал семью. «Комбинатор» и спекулянт.

Второй. Испанец из Малаги, земляк Пикассо. Тоже тенор. Был республиканцем. В Россию попал после поражения революции. Учился в консерватории, пел на сцене. Надоело. По приглашению дяди, якобы «кофейного плантатора» в Бразилию, собрался туда. Не получив визы, попробовал улететь контрабандой, спрятавшись в ящик с дипломатической почтой одного посольства. В этом гробике ему стало плохо. Пассажиры обратили внимание на оживший ящик. Сняли. Воркута, Караганда. Встреча с женщиной (тоже заключенной). Освобождение. Женитьба. Ребенок. Как будто прижился...

* * *

В Караганде очень много неба. После города на Украине, где видишь его в щелях

между крышами, здесь оно обширно, прозрачно днем и многоцветно перед закатом.

Сквозь морозный туман — черный конус террикона, опоясанный сверкающими оранжевыми звездами раскаленной породы. Как на островке — куда ни глянешь, видно море, — из каждого пункта города виден горизонт — лиловые снега, синие конусы терриконов, цепь холмов. Мороз, поскрипывающий твердый снег.

* * *

Корреспондент «Литературной газеты» спросил первого секретаря Карагандинского обкома — есть ли в городе отделение писателей?

— Кажется, есть... — неуверенно ответил руководитель всех отраслей жизни, в том числе и «идеологии».

Факт этот свидетельствует о глубоком пренебрежении к духовной жизни народа. Он отражает социальное «косоглазие», искривление зрения.

Караганда — это уголь, металл, строительство, миллионы пудов хлеба. И только! Забывают, что Караганда — это люди! Более полумиллиона людей! Это работающая и учащаяся молодежь, у которой есть только фут-

бол, танцы, водка и случайные концерты.

В Караганде, накопившей за двадцать пять лет много миллиардов, то есть астрономические цифры ценностей, застроенной канцеляриями, всевозможными административными зданиями, массовая воспитательная работа ведется так, что пьянство, преступления на «самом высоком уровне».

А культура? Вероятно, есть и культура. «...отдел Союза писателей как будто работает неплохо...».

Такое же не ленинское, а окурковское отношение к культуре проявилось «на верхах» и по поводу assignments на строительство театра.

(Запись от 18 сентября 1958 г.).

* * *

Срочная позиция — не домна, не Магнитка, не освоение миллиардов, а повышение культуры во всем: от кладки кирпича до отказа от демагогии, зазнайства, обмана, неряшества, пьянства, знаокрадства, предательства.

Культурный рабочий — культурный человек. Борьба

за человека культурного всесторонне, социально ценного, гуманного — это долгая цель Магнитки и всех Магниток.

Но... осуществится это только в обстановке свободы критики и самокритики, в атмосфере правды, снятия всех страхов. Вот это и есть срочная позиция!

* * *

В Балхаше живет Шашубай, акын, один из последних певцов — поэтов и сказителей. О нем впервые говорил мне Кошумов. Шашубай — сын Кашкарбая из Прибалхашья. Здесь степь, с голоду не умрешь, но от жажды погибнешь: серая полынь под солонцами, жесткая земля, зной обжог темные горбы сопки до медного оттенка. Между горбами бирюзовый щит — озеро.

Степь убегала от ребенка далеко, звала вдаль. За голосами ветра и птиц, за редким человеческим окриком мальчик различал голос далекий, знакомый, певучий...

Казахи — поэтический народ. Может быть, последний народ-поэт. Акын-трубадур. Шашубай — последний акын.

Поэт — самое человеческое из того, что дано человечеством. Вначале был поэт. Он создал космогонию, то есть мир, он создал Бога и золотой век, и страшный суд совести.

Публикация
Ф. ПИЧУГИНОЙ